

УДК 811.161.1'367.625.43

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИЙ С МОТИВИРУЮЩИМ КОНТЕКСТОМ ПРИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЯХ

О. В. Редькина

Вятский государственный гуманитарный университет
кафедра русского языка

В статье анализируются грамматические и семантические особенности конструкций с субстантивированными причастиями, содержащими мотивирующий контекст.

Ключевые слова: *грамматика, семантика, причастие, мотивирующий контекст.*

Продуктивность процесса субстантивации причастных форм в современном русском языке неоднократно отмечалась в лингвистических исследованиях. Ср.: «Почти каждая причастная форма может быть употреблена в значении существительного» [4, с. 18]. Состав субстантивированных причастных форм далеко не исчерпывается теми единицами, которые зафиксированы в словарях. Анализ текстов художественной литературы и публицистики XX – начала XXI в. позволил выявить значительный массив субстантивированных причастий, созданных в речи в силу коммуникативной необходимости и семантически связанных с конкретным контекстом.

Введение любого производного слова в текст может быть обусловлено контекстом, в литературе предмета называемым *предтекстом* [1, с. 165]. Однако для субстантивированных причастий такой контекст может быть как предшествующим, так и последующим, поэтому мы считаем целесообразным обозначить его как *мотивирующий контекст*. Под мотивирующим контекстом мы понимаем фрагмент текста, в пределах которого субстантивированная форма выступает как семантически самостоятельное слово. Иначе говоря, мотивирующий контекст – это фрагмент текста, создающий условия для обоснованного употребления и адекватного понимания субстантивата.

Вопрос о типах мотивирующего контекста уже рассматривался нами в [3]. На основании анализа функционирования субстантивированных причастий в текстах мы выделили и подробно охарактеризовали шесть типов мотивирующего контекста:

1) контекст, включающий один из членов морфологической парадигмы глагола, с которым соотносится субстантиват (спрягаемая форма глагола, инфинитив, причастие): «И тут он [Ростропович] ушел в себя. Ото всех. Он сидел и часами развивал эту руку. Он выходил из себя, когда его пытались от этого занятия *отвлечь*, он топал на **отвлекающих** ногами» (Story. 2009. № 10);

2) контекст, содержащий один из членов словообразовательного гнезда субстантивата (однокоренной глагол и члены его морфологической

парадигмы, однокоренное существительное, однокоренное прилагательное): «Где *вера*, там больше всего спешат от **верящего** что-нибудь получить. Авансом. Деньгами» (В. Дудинцев. «Белые одежды»);

3) контекст, содержащий синоним субстантивированного причастия или слова разных частей речи, однокоренные с непосредственными синонимами субстантивата: «*Говорил* один, остальные слушали – так внимательно, что **выступавшему** позавидовал бы сам профессор Ключевский» (Б. Акунин. «Статский советник»);

4) ситуативно-ассоциативные контексты (не содержат форм, морфологически или словообразовательно связанных с субстантиватом, а дают описание ситуации, содержащее ключевые слова, через которые устанавливается ассоциативная связь между этой ситуацией и субстантивированной формой): «*Речка* эта совсем не напоминала ту речку, где днем такой шум, плеск и визг **купающихся** и громкие удары валька **полощущих** белье, но вместе с тем... это была все же та самая речка» (С. Вольф. «Как-никак лето»);

5) контексты с опущенным мотивирующим звеном (двойственная – глагольно-именная – природа субстантивированных причастий позволяет имплицировать часть предложения, а именно звенья с глагольными формами, за счет чего повествование становится более лаконичным, динамичным, экспрессивным – в примерах восстановленные имплицированные звенья заключены в угловые скобки): «С лестницы позвонили... Из-за стола пошли отворять. Это была Надя! <Надя *вошла*> Лара кинулась навстречу **вошедшей**. Надя была прямо с поезда...» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); «Я нащупал дверь, постучал, <мне *открыли*> вошел, но ничего не сказал **открывшему**. Это был один из жильцов!.. <Жилец *впустил* меня> Схватясь за щеку, я вошел в комнату, благодаря **впустившего** меня кивком и кислой улыбкой...» (А. Грин. «Фанданго»);

6) контексты, построенные на основании соотношения 'частное – общее' (позицию слова, обозначающего общее, занимает субстантиват, а мотивирующий контекст дает представление о том, из каких элементов складывается это общее): «...Прибирая в квартире, Нинель Николаевна машинально сгребла **накопленное** и, приняв за мусор, вынесла – сначала в ведро, после в мусоропровод... *Конверты* тех лет с немислимо устаревшими адресами... *зачетная книжка*... *письма*...*программки*...» (В. Маканин. «Один и одна»). Ряд контекстов этого типа содержит несколько глаголов, описывающих определенную ситуацию, а субстантиват обобщает их: «Вынув изо рта трубку, он [Кванг] *сказал* в разбегающееся кольцо дыма: «Не вышло?» – «Нет», – *бросила* на ходу Тави. При этом **разговаривающие** даже не посмотрели друг другу в лицо» (А. Грин. «Блестящий мир»); «Пришедший... с наслаждением *проглотил* несколько устриц, *отведал* вареных овощей, *съел* кусок мяса... Пилат *наполнил* свою чашу, гость поступил так же. Оба **обедающие** отлили немного вина из своих чаш в блюдо с мясом...» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

В ходе изучения особенностей функционирования субстантивированных причастий в текстах мы пришли к выводу, что без мотивирующего контекста могут употребляться, во-первых, субстантиваты,

являющиеся фактами языка и включенные в словари (например, *служащие, окружающие, заведующий, желающие, управляющий*). Во-вторых, не требуется поддержка контекстом субстантивированным формам с обобщающей семантикой: «Какая верная мысль: **решивший** умереть не станет врать для самозащиты» (В. Дудинцев. «Белые одежды»). Нередко при таких субстантиватах имеется местоимение *весь, всякий, каждый, любой*. Ср.: «**Любой взявший** в банке кредит под залог своей собственности сегодня не может чувствовать себя в безопасности» (Собеседник. 2009. № 15).

Обобщающая семантика подчеркивается употреблением субстантивата в форме множественного числа (более половины субстантивированных причастий со значением лица зафиксированы нами только во множественном числе). Ср.: «...Каждую ночь... привозили... **раненных** пульей револьвера, **не успевших** умереть на виселице, **не умерших** от яда, **отравленных, зарезанных, подстреленных, избитых, задушенных**. В институт Склифосовского свозили задворки миллионного города...» (Б. Пильняк. «Иван Москва»). Отдельные субстантиваты с абстрактным значением не нуждаются в мотивирующем контексте в силу высокой степени обобщения. Ср.: «Поэзия всегда обращается к **индивидуальному** в человеке. **Божественному, экзистенциальному, метафизическому** – называйте как вам удобно» (Новая газета. 2009. № 27).

Субстантивированные причастия, мотивированные контекстом, демонстрируют богатую палитру семантических оттенков и многообразие связей с текстом, а потому представляют особенный интерес для исследования.

Рассматриваемые субстантивированные причастия имеют либо значение лица, либо значение абстрактного понятия (примерное соотношение 3 : 1). Наиболее активно посредством субстантивации причастий осуществляется номинация лиц. На продуктивность неузальных наименований лица уже неоднократно указывалось в работах по словообразованию. Ср., напр.: «Наиболее часто порождаются имена лиц. Имя лица может быть получено в результате свертывания конструкции как с глаголом, так и с прилагательным» [1, с. 166]. При образовании субстантивированного причастия со значением лица в основу номинации кладется либо действие, которое данное лицо осуществляет, либо действие, которому оно подвергается.

Анализ видовременных форм причастий, послуживших базой для образования субстантиватов, показывает, что 75% субстантивированных форм со значением лица мотивированы действительными причастиями настоящего и прошедшего времени в форме единственного числа мужского рода или в форме множественного числа (ср.: *входящий, обедающие, заболевший, стрелявшие* и т. д.). 64% субстантиватов со значением абстрактного понятия образованы от страдательных причастий прошедшего времени в форме единственного числа среднего рода (ср.: *замеченное, изображенное, обещанное, вышитое* и т. д.).

В ряде случаев время формы глагола в контексте и причастия, от которого образован субстантиват, может не совпадать: «За деревянным столом в полном одиночестве *сидел*... небритый человек... И тут в комнату *вошел*

какой-то гражданин. При виде **вошедшего сидящий** за столом побледнел» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). В приведенном примере формы *вошел* (прош. вр.) – *вошедший* (прош. вр.) координируются по признаку времени, тогда как вторая пара *сидел* (прош. вр.) – *сидящий* (наст. вр.) демонстрирует отсутствие такой координации. Подобное варьирование форм времени зафиксировано нами только в примерах с глаголами несовершенного вида. Ср.: «Гости *расходились*. У всех от усталости были вытянутые лица... Переулок наполнился голосами **расходящихся**. Они продолжали что-то громко обсуждать» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго») – субстантивированная форма причастия настоящего времени в контексте мотивирована формой глагола прошедшего времени. Возможность такого несоответствия связана с тем, что, прежде чем субстантивироваться, причастие проходит через стадию адъективации, в результате чего глагольные категории отходят на второй план и не требуют строгой координации с соответствующими категориями глагола, от которого было образовано данное причастие. То, что до субстантивации мыслилось как действие, после нее начинает осознаваться как признак, то есть устойчивая, постоянная характеристика предмета, для которой категория времени не является значимой.

Подчеркнем то обстоятельство, что контексты, в которых субстантиваты мотивировались бы непосредственно исходными причастиями и их адъективированными формами, крайне немногочисленны. Ср.: «Он [Бам-Гран] поднял край шелка, чтобы все могли видеть небольшой веночек, *вышитый* латинскими литерами, и я перевел **вышитое**: «Лаура, Мерседес, Нина, Пепита, Конхита, Паула...» (А. Грин. «Фанданго»). Этот факт можно объяснить тем, что связь субстантивированного причастия с исходной причастной формой носит имплицитный характер, то есть подразумевается самим наличием субстантивата и чаще всего не выражается в контексте. Ср.: «Простейший случай введения производного в текст связан со стремлением избежать повтора мотивирующего слова» [2, с. 180].

Нами установлено, что субстантивированные причастия, мотивированные одним и тем же глаголом, употребляются в конструкциях с разными типами контекста. Ср.: «Маленький человечек в котелке *шел* впереди меня... Птица на ветке сверкнула, дернулась и щелкнула... **Идущий** впереди оглянулся на птицу» (Ю. Олеша. «Зависть») – 1-й тип контекста, содержит член морфологической парадигмы исходного глагола;

«Вниз по улице *валил* народ, сущее столпотворение... Когда **идушие** поравнялись с ним [зданием], вожаки поднялись на полукруглую площадку...» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго») – 3-й тип контекста, содержит синоним исходного глагола;

«Уже совсем стемнело. Кругом была ночь. <Доктор и Демина *шли*> Только белый кружок из карманного фонарика Деминой шагах в пяти перед ними скакал с сугроба на сугроб и больше сбивал с толку, чем освещал **идушим** дорогу» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго») – 5-й тип контекста, пропущенное мотивирующее звено восстанавливается субстантиватом;

«Он [незнакомец] сделал шаг, другой, третий, *переступил* через забор, через проулок, еще немного подрос... и тень **идушего** ползла по небу среди

других теней» (А. Кабаков. «Последний герой») – 6-й тип контекста, субстантиват обобщает значения глаголов, употребленных в контексте.

Сравним приведенные выше контексты с такими, как: *Дорогу осилит идущий* или *Идущие по проезжей части рискуют попасть под колеса*. В данных предложениях формы *идущий*, *идущие* не имеют пояснений в контексте, включаются в предложение непосредственно, при этом смысл таких предложений и значение в них субстантиватов для читающего предельно понятны и поддержки контекстом здесь не требуется.

Следовательно, наличие мотивирующего контекста не является спецификой введения в текст субстантиватов, имеющих те или иные исходные глаголы или те или иные грамматические характеристики, так же как ни одна субстантивированная форма не привязана ни к одному из шести выделенных нами типов мотивирующего контекста.

Почему же одним и тем же субстантивированным причастиям мотивировка контекстом в одних случаях нужна, а в других – нет? Анализируя собранный языковой материал, мы пришли к выводу, что благодаря мотивирующему контексту происходит конкретизация значения субстантивированной формы. Без мотивирующего контекста субстантиват выражает обобщенное значение, в силу чего нередко выступает в форме множественного лица. Ср.: «– Логично, – улыбнулся Суровцев. – То есть, конечно, логично только для Христа. **Арестованные** часто спрашивают об этом. Им невдомек, что бывают еще оперативные соображения» (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»). Субстантивированное причастие *арестованные* называет не конкретных лиц и их состояние в определенный момент, а выражает обобщенное понятие об «арестованных вообще»: о тех, кто был арестован раньше, кто арестован в настоящий момент и кто будет арестован в будущем – называется некое нерасчлененное множество людей неопределенной численности безотносительно к моменту повествования. Рассмотрим другой пример: «– Один раз утром приехал грузовик, – продолжает Олег Цингер, – и нас *арестовали*. Выбор **арестованных** был какой-то странный: Колюшу, меня, пианиста Топилина, советского биолога и еще двух советских зоологов» (Д. Гранин. «Зубр»). Наличие в ближайшем контексте члена морфологической парадигмы исходного глагола (*арестовали*) в сочетании с обстоятельственным распространителем (*один раз утром*) и местоимением (*нас*) способствует конкретизации семантики, и, несмотря на то что субстантивированное причастие тоже имеет форму множественного числа, уже нельзя сказать, что речь идет о неопределенном множестве лиц, – имеется в виду конкретная, ограниченная по составу и численности группа людей.

Таким образом, роль мотивирующего контекста всех типов заключается в создании определенного смыслового поля, в рамках которого употребление субстантивированного причастия носит оправданный, обоснованный характер. Наличие мотивирующего контекста можно считать фактором, способствующим конкретизации субстантивированных форм.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – М. : Изд-во КомКнига, 2005. – 224 с.
2. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 208 с.
3. Мальцева, (Редькина) О. В. О типах мотивирующего контекста в конструкциях с субстантивированными причастиями [Текст] / О. В. Мальцева (Редькина) // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. – Киров : Изд-во ВятГПУ, 2001. – С. 95–102.
4. Сазонова, И. К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь [Текст] / И. К. Сазонова. – М. : Русский язык, 2002. – 656 с.

**ABOUT PECULIAR PROPERTIES OF PROPOSITIONS WITH
A MOTIVATING CONTEXT AT SUBSTANTIVIZED PARTICIPLES**

O. V. Redkina

*Vyatka State University of Humanities
The department of Russian language*

The paper analyzed the grammatical and semantic peculiar properties of propositions with substantivized participles containing motivational context.

Keywords: *grammatic, semantic, participle, motivational context.*

Об авторах:

РЕДЬКИНА Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вятского государственного гуманитарного университета (610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26), e-mail: ex444libris@mail.ru